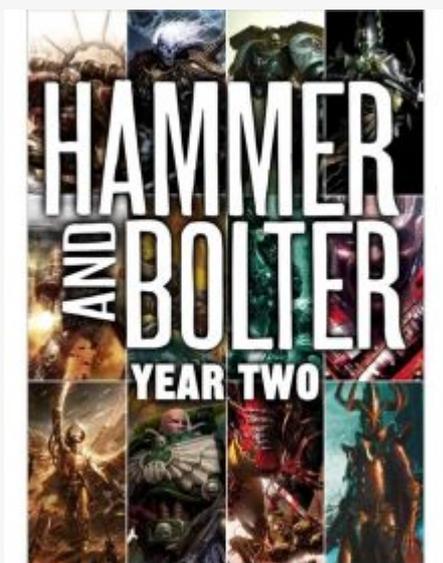

Рождённая кровью / Born of Blood (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Рождённая кровью / Born of Blood
(рассказ)

Автор	Сара Коквелл / Sarah Cawkwell
Переводчик	Serpent
Издательство	Black Library
Серия книг	Валькия Кровавая
Источник	Hammer&Bolter Year Two
Год издания	2012
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Валькия Кровавая: Легенда о Кровавой Королеве начинается.

Проносящиеся разноцветные завитки окрашивали небеса в потрясающие краски. Ярко-красный, глубокий синий и ядовито-зелёный перекручивались и смешивались друг с другом, создавая совершенно нереальные картины, которые невозможно было встретить где-либо в ином месте. Только Северные Пустоши могли похвастаться столь совершенной, убийственной красотой, какую даровала заснеженная тундра. В этом зрелище они достигали своей кульминации, создавая великолепнейшее полярное сияние,

короновавшее вершину мира. Нигде более не было подобного волшебства.

Её глаза расширились, ребёнок смотрел в ярость небес, онемев от их невообразимого величия. Стоявший рядом с ней воин, облачённый в окровавленные меха, нагнулся, чтобы взять её на руки. Непринуждённо он поднял её и посадил на плечи, чтобы она могла видеть лучше. Ныне, повзрослев, она стала несколько большей для подобного обращения, но всё ещё оставалась стройной и лёгкой. Воин не выказывал ни малейших затруднений, удерживая её. Она немного поёрзала, чтобы устроиться поудобнее.

- Они говорят, что когда Отец-Топор доволен нашими усилиями, волны небес будут приливать и отливать тёмно-красным, омываемые кровью из тел наших врагов. Когда тот день настанет, Лилли Венн, наш народ возвысится надо всеми.

Её отец улыбнулся. Ему не надо было видеть её, чтобы представить широко раскрытые от удивления глаза на лице своей десятилетней дочери. Она была красивым ребёнком и, хотя он её очень любил, с каждым годом увеличивающее сходство с её покойной матерью вызывало у него новый прилив горькой ненависти к врагам, с которыми столкнулись Чёрные Волки. Война между двумя племенами свирепствовала уже двенадцать лунных циклов и старейшины Чёрных Волков предсказывали, что завтрашний день принесёт победу или смерть Мерроку и его народу.

Девочка намотала на палец прядь тёмных волос и продолжила смотреть в небеса. Дочь его говорила редко и мало. Она всегда была замкнутым и задумчивым ребёнком, не по годам умной и проницательной. Смерть матери от рук их врагов год назад причинила ей боль, но с простым прагматизмом своих сородичей она стойко перенесла её. Она говорила время от времени, и это неизменно было либо замечание, либо вопрос. Она была любознательна и пытлива, и это нравилось Мерроку. Он не мог не желать сыновей от союза с матерью Валькии, но эта девочка, их первое дитя, была его гордостью.

- Как это получается? - её вопрос, когда он был задан, был требовательным, словно она обвиняла своего отца в организации этого захватывающего волшебного зрелища исключительно ради её удовольствия.

- Никто из нас на самом деле не знает, Лилли Венн, - Лилли Венн, звал он её. Маленький Друг. - Однако не может быть никаких сомнений в том, что подобное чудо - дело рук самих богов.

- А где эти боги? - спросила она, рассеянно потянув его за всклокоченную бороду, наматывая её густые локоны на свои тонкие пальчики.

- Далеко на севере, так далеко, куда не заходил ни один из нас. А из тех, кто всё же рискнул, никто не возвратился, чтобы рассказать о том, что лежит за горами.

- Когда я вырасту, - сказала она с твёрдой уверенностью всех детей в мире, - я отправлюсь туда, - когда Мерок рассмеялся, она, нахмурившись, посмотрела на него. - Что здесь смешного?

- Я верю, Лилли Венн, - ответил Меррок, его смех прекратился, сменившись улыбкой. - Если кто-то и может совершить это путешествие, то это ты, - его слова смягчили маленькую девочку, и вспышка гнева покинула её взгляд. Она была похожа на свою мать, обликом, и это было правдой. Но её осанка, манеры и мироощущение были Меррока, от начала и до конца.

Уже только за это он любил её.

Вместе они в течение нескольких долгих минут в молчании наблюдали за магическими ветрами и

яростным изменением цветов. Наконец, девочка заговорила, и на этот раз это был не капризный тон ребёнка, но самоуверенный голос молодой девушки, которая знает, чего она хочет.

- Я хочу завтра сражаться вместе с моим народом, - сказала она, стукнув Меррока по плечу, как знак того, что она хотела бы спуститься. В племени для ребёнка её возраста не было ничего необычного в участии в битвах. Но Валькия, несмотря на её свирепость, была женщиной. В племени было принято не пускать любых женщин в битву до тех пор, пока они не родят, по крайней мере, одного живого ребёнка.

- Лилли Венн, ты же знаешь, что я не могу позволить тебе того, о чём ты просишь.

- Я не *прошу* тебя, папа. Я говорю тебе, что я *желаю*, - он безбожно баловал её, и, однако, постоянно чувствовал себя должником.* Он ничего не мог с собой поделать. Она была очаровательной, когда хотела этого, и жестокосердной маленькой сучкой в остальное время. Но в этом вопросе он не мог отринуть сотни лет традиций.

- Я запрещаю.

- Я бросаю тебе вызов, - это была их старая игра, игра, в которой она могла выдержать гораздо дольше, чем он. Он будет запрещать ей что-либо, а она - насмеяться над ним, пока улыбка не появится на его лице и он не уступит всем её, произносимым тонким пронзительным голосом, требованиям. Но это... это было невыносимо.

- Нет, - в голосе отца появилась твёрдость, которой Валькия никогда не слышала до сей поры, и это потрясло её настолько, что заставило замолчать. Она редко видела своего отца в роли атамана и поэтому привыкла к Мерроку-отцу. Мысль о том, что он не даст ей то, чего она хочет, заставила Валькию надуться. Меррок опустил на корточки, пока его глаза не оказались вровень с её.

- Ты - моё единственное дитя, - сказал он. - Взять тебя завтра в битву — всё равно что заигрывать с твоей смертью. Ты должна подрасти и принести мне внуков, прежде чем выйдешь на поле битвы, - он почувствовал лёгкую неловкость, обсуждая это с ней: её глаза, впившиеся в него, были словно маленькие изумруды, твёрдые и зелёные. - Твоя мать родила тебя, когда ей исполнилось четырнадцать. Тебе же ещё нет и одиннадцати. Не будь так нетерпелива в стремлении к смерти, Валькия, ибо она всё равно придёт. Когда наступает время, она приходит ко всем нам.

Он встал и заправил за ухо длинные тёмные волосы, пронизанные серебристо-белыми нитями. Посмотрев на северное сияние, он сказал: - Я не могу дать тебе то, что ты хочешь. Не в этот раз. Ты не можешь сражаться. Эти животные не отнимут тебя у меня. Ты слишком ценна для меня и нашего народа.

Она внимательно оглядела Меррока. Он был высок и широк в плечах, его мускулистое тело казалось ещё больше из-за мехов, которые он носил для защиты от лютых северных морозов. Он казался очень старым в её глазах, хотя ему, пожалуй, едва исполнилось двадцать пять. Если вы умудрялись выжить и увидеть тридцатое лето, то в племени Чёрных Волков вы считались древним старцем.

Его лицо, которое носило слишком много свидетельств жестоких боёв, чтобы назвать его красивым, тем не менее, было гордым и высокомерным. Была неоспоримая чистота в его внешности, что говорило о его хорошей породе. Правящая семья удерживала накидку вождя в течение семи поколений, мантия передавалась от отца к сыну. В браке Меррока с её матерью родились всего двое живых детей. Валькия и её сестра, Аня, которая умерла до истечения первого года её жизни. Трое сыновей родилось от брака Меррока и его жены, но ни один не явился в мир с дыханием в лёгких. Меррок пытался не замечать

шёпоты, но прошло время, и он тоже начал верить им.

Он был проклят.

- Я вижу, - два слова Валькии были процежены сквозь сжатые губы, и он посмотрел вниз, на её яростное, упрямое личико. Он улыбнулся и взял её за подбородок.

- Я не могу позволить тебе взять оружие и сражаться в завтрашней битве, дочь моя, - сказал он. - Но этой ночью я буду говорить с Кругом. Они могут позволить тебе взять щит и вступить в ряды щитоносцев, - она вырвала подбородок из его руки, и, казалось, снова собралась спорить, но Меррок вновь поймал её. - Послушай меня, Валькия. Меня не волнует, какой шум ты поднимешь. Ты либо поймёшь сама, что это должно быть именно так, либо я вобью это в тебя. Я не могу противиться традиции нашего народа из-за детских капризов.

- Я не ребёнок.

- Тогда перестань вести себя, как ребёнок, - она выглядела подавленной, и он слегка смягчился. - Я постараюсь сделать, что смогу, но ничего обещать не буду. Теперь пойдём. Круг уже скоро соберётся, а мы с тобой и так пробыли здесь слишком долго.

- Ты обещаешь, что поговоришь с ними? - неохотно, маленькая девочка смягчилась и обхватила маленькой рукой большую лапищу своего отца.

- Я когда-нибудь разочаровывал тебя, Лилли Венн?

У неё не нашлось, что ответить на это, только холодный, пронизывающий взгляд, слишком старый для её глаз, который заставил его почувствовать себя неудобно.

Круг был группой из семи племенных старейшин и лидеров. Как вождь племени, Меррок сидел во главе, но часто чувствовал, что его слова не слышали. Он получил мантию в раннем возрасте, ему едва исполнилось шестнадцать, и они по-прежнему относились к нему, как к юнцу.

Они встретились во временном жилище Меррока: юрте, сделанной из животных шкур, задубевших за долгие часы, проведённые на солнце. Они были натянуты на жёсткие опоры и обработаны животным жиром, который служил защитой от холода и влаги. Дым от огня в центре юрты уходил через небольшое отверстие в её верхушке. Останки оленя, добытого день или два назад, поворачивались на вертеле над костром, и члены Круга частенько поднимались, чтобы отрезать кусок и звучно проглотить его.

Разговор по большей части был странно приподнятым, учитывая тот факт, что они знали - следующий день принесёт им либо победу, либо смерть. Ни один из Чёрных Волков не выказывал опасения за исход грядущей битвы. Если они не будут верить в победу - то они не выиграют. Всё просто.

- Они ударят с первыми лучами солнца.

Слова пришли от Аммона и все глаза повернулись в его сторону. Говорящий-с-войной племени был всего лишь на год или два моложе Меррока и ближайшим из тех, кого атаман мог назвать настоящим другом. Он вёл их через бесконечные, казалось, битвы против самых хищных врагов. Племя, которое противостояло им уже несколько месяцев, так и не удостоилось того, чтобы они назвали его по имени. Воины Чёрных Волков называли их «они» или «их». Дать им название, означало придать им нечто человеческое. А в них не было ничего подобного.

Чёрные Волки были известны среди всех северных племён, как одни из свирепейших воинов, и, воистину, это не было преувеличением. Упорные и бесстрашные, их молодые воины были известны тем, что продолжали сражаться, даже несмотря на отрубленные конечности или кишки, намотанные на руку, держащую щит. Но «они»... «они» были иного рода. «Они» любили брать пленных, что Чёрные Волки считали странным. Племя Меррока считало, что если кто-то был слишком слабым, чтобы быть свободным, то он был слишком слабым, чтобы жить. Предстоят пытки, за которыми иногда следует рабство, а поступиться свободой для Меррока и его народа было неприемлемо.

Аммон поднялся и подошёл к кожаному лоскуту, закрывавшему вход в палатку, откинув его, он пронзительно свистнул в темноту, и тут же гибкая, стройная фигура выскользнула из тени и вошла в палатку Меррока.

- Мой вождь, - склонил голову перед Мерроком молодой человек. Радек было его имя. Он был одним из самых хитрых и проникательных воинов племени, а его способности к охоте и разведке были столь впечатляющи, что в племени тишком шептались, будто он заключил некие договоры с Тёмными Богами, чтобы обрести такие умения. Скорый на ногу и смертоносный с луком, он быстро поднялся до положения искателя-путей. И он был, вспомнил Меррок, племянником Аммона.

- Какие новости по ту сторону лагеря, Радек? Что же выступит за нас в завтрашнем сражении?

- Земля с нами, но на этом, пожалуй, и всё. Их число равно нашему, если не больше, - следопыт принял чашу вина, разведённого и нагретого в котле, висевшем над огнём. Недостаточно, чтобы вызвать опьянение, вино, тем не менее, было принято с удовольствием. Он сделал большой глоток из кубка, смакуя вкус. Вино было подслащённым, и от него исходил терпкий аромат смеси из специй и ягод, которые в это время года были в изобилии и составляли основу пьянящего напитка северян.

Радек поставил деревянную чашу и посмотрел на Меррока. Лёгкая улыбка играла на его губах. Тень от лёгкого пушка на подбородке. Он был удивительно молод для того, кто поднялся столь высоко. Мысль мелькнула, но Меррок сразу же упрекнул себя и отогнал её прочь. Просто из-за того, что Радек был молод, не следовало судить о его умении.

- Есть, однако, две вещи, которые мы имеем, а они нет. Сегодня я смог подобраться к их лагерю как никогда близко.

- И..? - Меррок оставил свой вопрос повисшим в воздухе, а сам подался вперёд, чтобы отрезать ещё кусок мяса от оленьей туши. Когда он впился в него зубами, жир потёк по подбородку и смочил бороду.

- У нас больше щитов. Мы можем сформировать гораздо более длинную щитовую линию.

- Линия будет крепка, - кивнул он. - Это хорошее начало. Другая?

Слабая улыбка на лице Радека превратилась в озорную ухмылку.

- Трезвость, мой атаман. Они пьют, не останавливаясь. Возможно, чтобы заглушить холод в своих костях. Они не привыкли находиться так далеко на севере. Придёт рассвет, и они пожалеют об этом, - это вызвало смех, сотрясший стены юрты, и Меррок кивнул, вытирая жир с лица.

- Отлично, - громыхнул он. - Ни один из наших воинов не будет пить сегодняшней ночью. Завтра, когда мы зальём землю их кровью... мы выпьем, - теперь к смеху добавился одобрителный рокот. Меррок посмотрел направо. - Говорящий-с-богами?

Человек, сидевший по правую руку от вождя, получил имя Файдор при рождении, но здесь в совете, он носил имя говорящий-с-богами. Шаман и врач племени, он был очень уважаем за свои знания и провидческий дар. Подобно тому, как Аммон говорящий-с-войной сидел по левую руку от вождя, так говорящий-с-богами занял почётное место по правую.

- Я всё ещё читаю приметы, - ответил он. Говорящий-с-богами был самым старым человеком из ныне живущих в племени. Он видел не менее сорока лет, а некоторые даже шептались, что не менее шестидесяти. Рука, протянувшаяся за чашей горячего вина, была темна от загара и покрыта старческими пятнами. - Я закончу в ближайшее время, - его глаза, тёмные и бездонные на морщинистом лице, буравили Меррока почти как глаза Валькии несколько часов назад.

- У тебя есть вопрос к Кругу, - заметил говорящий-с-богами. Меррок запустил пальцы в бороду и раздражённо вздохнул. Файдор, несомненно, был исключительно одарён. Было ли то предчувствие или простое искусство чтения языка тела и смятения, не имело значения.

- Да, - ответил атаман. - Это небольшое дело. Я просто ждал подходящего времени.

- Сейчас столь же подходящее время, как и любое другое, - говорящий-с-богами развёл руки ладонями вверх. - Спрашивай, атаман.

Меррок слегка поёрзал, распрямив и снова скрестив ноги. Круг удобно расположился на нескольких подушках, разбросанных по полу. Он взял свою чашу и отпил вина. Сделав это, он собрался с мыслями, тщательно подбирая слова, от которых, во многом и будет зависеть успехом или неудачей окончится его начинание.

- Это не вопрос, - наконец, заговорил он. - Моя дочь хочет занять своё место в завтрашней битве, - сказал он, и такой вызов был в его голосе, что, на мгновение, он подумал, не был ли он с ними излишне агрессивным. - И я решил, что она может занять место своей матери в рядах щитоносцев.

- Ты спрашиваешь нас ради нашего одобрения?

- Нет, говорящий-с-войной, - перевёл Меррок взгляд на Аммона. - Я сообщаю вам.

- Это неподобающе. Она ещё молода. Слишком молода. Она до сих пор не принесла наследника. Если она падёт...

- Если она падёт, то я возьму в жёны другую женщину Чёрных Волков, - когда умерла мать Валькии, Меррок был столь убит горем, что заявил, что не будет повторно вступать в брак. Обещание, которое он дал здесь, было спонтанным, и он почти сразу же пожалел о сказанном, ибо начал разговор, которого избегал вот уже почти год.

- Ты знаешь мнение Круга. Мы говорили тебе, что считаем, что тебе в любом случае пришло время взять новую жену. Ты должен произвести наследника. Если ты умрёшь, не сделав этого, то это вызовет беспорядки в племени, - и эти слова не были преувеличением. Если его род атаманов прервётся, то начнётся борьба за мантию, которая, потенциально, может вдвое сократить численность племени. - Ты, конечно же, не хочешь оставить такое наследие своему народу? - Говорящий-с-богами был спокоен, его речь была нетороплива и размеренна. Меррок заметил искру в глазах старика и ощутил, как вызов его главенству над Черными Волками, словно пузырь, поднимается к поверхности.

- У меня уже есть наследник, - голос Меррока был столь же свирепый и гордый, как и Валькии, когда та заявила ему о своём желании участвовать в битве. - Когда придёт время, она займёт своё место во главе

нашего племени.

- Претенденты на твоё место убьют её раньше, чем закончится день, когда она накинет твою мантию.

- Скорее она прикончит их первой, - Меррок был удивлён тем, насколько сильно он верил своим словам. Его темноволосой дочери едва исполнилось десять, и всё же она уже продемонстрировала великие упорство и храбрость.

Но она всё ещё была ребёнком и - что важнее - женщиной. За прошедшие годы у племени были женщины вожди, но каждая из них была убита спустя несколько дней, а то и часов после обретения власти. Равенство - это одно, и Чёрные Волки с удовольствием сражались бок о бок со своими женщинами, но подчиниться им - означало поставить под сомнение века веры и традиций.

Шансы были не в пользу Валькии. Уже не в первый раз с тех пор, как она прорвала себе путь в этот мир, Меррок почувствовал укол печали при мысли о невзгодах, через которые ей придётся пройти.

Неловкое молчание опустилось на юрту, в конце концов, нарушенное атаманом. Никто из присутствующих не выразил протест, и он воспринял это как знак.

- Тогда с этим решено. Завтра Валькия займёт своё место на поле битвы.

Волна согласия прошла по собранию. Единственный человек, чьи глаза встретились с глазами атамана, был Радек, молодой следопыт. Мерок не был уверен, было ли одобрение в его взгляде или нет, но, впрочем, он не стал задумываться об этом. Он не нуждался в одобрении юнцов. Он был вождём племени.

Предсказание говорящего-с-войной было точным, за исключением небольшой детали. Враг ударил до рассвета, а не с первыми лучами солнца. Они начали свою атаку, ещё когда странная и угрожающая злая луна низко висела на небе, приняв её присутствие и отсутствие её бледного брата, как хорошее предзнаменование. Расплавленное золото окрасило горизонт, заставив потускнеть болезненный зелёный свет и разрезав серую мглу, которая проходила через бархатистую ночь.* Покалывающий морозный воздух грозил сильным снегопадом.

Впрочем, ранняя атака не принесла им никакого преимущества. Воины Чёрных Волков были готовы к тому, что одна молодая девушка предчувствовала уже несколько часов.

Валькия плохо спала прошлой ночью. Она дремала урывками, ожидая возвращения от Круга своего отца, и когда он наклонил голову, чтобы войти в их юрту, она уже сидела, выпрямившись, и сверлила его взволнованным взглядом.

Узнав о том, что она сможет принять участие в битве, Валькия испытала острые ощущения, что пронизали всё её существо. Никогда ранее она не испытывала ничего подобного: всплеск адреналина, от которого взволновался желудок. Она никогда бы не признала, что подобное ощущение было сродни страху, потому что люди Чёрных Волков не знали страха, приняв это всего лишь за слабость, которую было необходимо вырвать с корнем.

К её правой руке был привязан огромный, обитый бронзой щит, который, упёртый в землю, был практически с неё высотой. Левая рука оставалась свободной, давая ей возможность нести щит двумя руками, когда это было необходимо. Несмотря на то, что она была ещё ребёнком, Валькия была не настолько мала, чтобы затеряться в защитной линии. По обе стороны от неё заняли места женщины, которых она знала в лицо, но не по имени. Они просто посмотрели на маленькую девочку и показали,

как правильно держать щит.

Она была одета в толстую, перетянутую в талии поясом, кожаную куртку, которая была ей велика на несколько размеров. Достаточно, чтобы её край опускался ниже колен, не оставляя неприкрытого участка тела между курткой и сапогами. Её спутанные чёрные локоны были зачёсаны назад, открывая лицо, вымазанное, как и у всех остальных воинов племени, животным жиром и бледно-синей краской. Воинская коса или даже хвостик, дали бы врагу возможность ухватиться за неё, и пусть жир немилосердно вонял даже в морозном воздухе утра, это всё же было куда лучше, чем лишиться головы, когда противник вцепится вам в волосы.

Валькия поморщилась от вони, но более никто из окружающих не выказывал неудобства, так что она старалась скрыть свой дискомфорт. Слегка сдвинувшись, она заработала укоризненный взгляд от женщин, стоявших рядом с ней.

- Стой ровно, - проворчала, но не слишком резко, та, что находилась справа от неё. - Не вертись. Если враг увидит слабость в щитовой линии, то воспользуется этим.

В другое время, Валькия несомненно огрызнулась бы, но в этот раз просто кивнула, понимая, что эти слова были советом, а не замечанием. Женщина коротко улыбнулась и, протянув руку, пожала плечо Валькии. Девушка подняла голову, сделавшись чуть смелее от проявления духа товарищества.

- Как тебя зовут? - высокая женщина, казавшаяся едва ли намного старше, чем сама Валькия, казалось, была удивлена вопросом.

- Ката, - ответила она, вновь устремив взгляд вперёд. Несмотря на то, что они уже некоторое время находились в полной готовности, до сих пор не было никаких признаков противника. - А ты Валькия, дочь вождя. Кажется, ты, наконец, готова для своего первого испытания битвой, - она вновь посмотрела вниз, и улыбка вернулась на её лицо. - Это и мой первый бой. Когда мы вернёмся победителями, то, возможно, сможем попотчевать друг друга рассказами о собственной храбрости.

- Я хотела бы этого.

- Так же, как и я, - ответила Ката. Она не стала подробно останавливаться на том, что так же хотела бы показать себя перед атаманом. Всё племя судачило о том, что ему была нужна новая женщина после смерти жены, а Ката была незамужней и уже расцвела.

Послышался топот, и Радек, вместе с ещё несколькими следопытами, появился из небольшой рощи, которая была естественной границей между Чёрными Волками и вторгшимися на их земли врагами. Молодой следопыт был весьма растрёпан, но по-прежнему держался горделиво.

Он произнёс всего два слова.

- Они приближаются.

- Тогда мы примем бой! - крикнул говорящий-с-войной. - Мы не будем ждать, и пусть враги разобьются о нас!

Рёв согласия пришёл от застрельщиков и женщин-щитоносцев, и Валькия добавила свой пронзительный голосок к общему хору, захваченная волнением. Вскоре она вкусит войну.

Вскоре ход истории изменится.

Первый контакт состоялся гораздо раньше, чем могла себе представить Валькия, и в течение нескольких секунд она гадала, сможет ли выжить, чтобы вновь увидеть своего отца. Передовая линия щитов, состоявшая из более опытных женщин и молодых воинов, нёсших как щиты, так и оружие, приняла на себя первый удар. Числом не менее сотни, враги племени были в основном вооружены топорами, которые так любили народы севера, и они не единожды врубились в щиты, разбрасывая во все стороны щепки.

Воздух наполнили крики и возгласы большего количества людей, чем маленькая девочка когда-либо за свою жизнь видела в одном месте. Это был яростное столкновение звука, цвета и запаха, и она едва могла вычленить что-то по отдельности. Её мир, казалось, сократился, пока в нём не осталась только она и те, кто стоял рядом.

Она испытала мгновение унижительного ужаса, когда смотрела вокруг на то, что быстро становилось полем боя. Она увидела людей, которых знала, врезавшихся в атакующих, их собственное оружие кружилось и кромсало. Её глаза искали отца, кроваво-красный символ Чёрных Волков на его безрукавке. Подобные символы были и у других воинов племени, но никто не носил красное, кроме дома вождя.

Меррок уже был в гуще битвы, вырвавшись из линии щитов вместе с другими и использовав сотрясающий удар при столкновении в свою пользу. Его меха были забрызганы кровью, так же, как и та малая открытая часть его лица за кожаным шлемом, скрывавшим большую часть головы. Двуручный боевой топор, которым он орудовал с впечатляющим хладнокровием, равномерно опускался и поднимался, обезглавливая и расчленяя всех, кто осмеливался подойти.

Так много крови. Она бежала, словно кровавая река, пропитывая землю под ногами, и она несколько раз едва не поскользнулась. Так много крови. Столько смертей. Повсюду стоял запах меди, когда кровь окрашивала снег, превращённый в грязь и слякоть топчущимися ногами на сотни футов вокруг. Этот запах щекотал ноздри ребёнка, и она ощутила, что старается не задержать дыхание, а наоборот - вдохнуть поглубже.

Что-то зажгло в глубине её души, когда она вдохнула этот запах. Это было нечто, рождённое внутри неё, рождённое непрекращающимся насилием и ужасом. Это было её право по рождению. Если бы только она могла взяться за оружие и шагнуть в один из разрывов в линии, которые появлялись, когда воины падали, убитые и раненные...

- Шаг!

Приказ пришёл откуда-то слева, и Валькия встряхнулась, вновь приходя в боевую готовность. Её хватка на щите слегка соскользнула, и она быстро нащупала рукоятку, крепко вцепившись в неё своими маленькими руками. Она ощутила, что движется вместе с остальной линией, и была вынуждена едва ли не бежать, чтобы не отстать от напарниц.

- Шаг!

Раздался новый приказ, и Валькия двинулась вперёд. Она посмотрела на Катю, и увидела мрачную решимость на лице своей новой подруги. Не осознавая этого, она автоматически повторила это выражение. Линия щитов двинулась вперёд, поближе к схватке, и Валькия вновь ощутила странную смесь из острого возбуждения и страха. Ещё несколько шагов и линия окажется достаточно близко, чтобы воины могли отступить за неё и укрыться.

Внимание Валькии привлёк мелькнувший символ её отца, и она вновь повернула голову. Если она

достаточно сильно постарается, то сможет разобрать обрывистые слова. Используя собственный ум и знания, она, как могла, заполнила пробелы. Он переругивался с говорящим-с-войной. Они оба ревели всю силу своих лёгких, чтобы перекричать какофонию битвы. Аммон, как и её отец, был с ног до головы покрыт кровью, и выражение на его лице было достаточно мрачным.

-...едва смогли серьёзно проредить их ряды, мой вождь.

- Мы должны держаться... В конце концов, они падут. У них нет дисциплины, - Меррок махнул вокруг, указывая и отдавая приказы, которые Валькия не смогла разобрать. Шум оглушал, теснота вызывала клаустрофобию. Дневной свет лишь подтверждал это: тусклый, тяжёлый свет, задушенный тяжёлыми, снежными облаками, который позже ещё больше потемнеет от дыма погребальных костров. Сегодняшним днём не будет яркого солнца.

Резко стихнувший шум позволил Валькии уловить окончание фразы отца.

- Их лидер находится в центре наступающих. Он окружён сильнейшими из его воинов. Если мы перемелем их силы на флангах, то сможем пробиться к нему. И я хочу, чтобы он был взят живым.

- Как прикажет мой вождь, - склонил голову Аммон.

Валькия не понимала стратегию, но предложение отца показалось ей удивительно проницательным. Враги определённо всеми силами рвались вперёд: даже те, кто всё ещё был в задних рядах - по крайней мере, исходя из того, что она могла видеть со своим невысоким ростом - были полны решимости прорваться сквозь прочную линию Чёрных Волков.

- Радек! - говорящий-с-войной отвернулся от вождя и поискал глазами главного следопыта. Он приказал молодому парню передать приказ воинам на флангах, и тот, резко кивнув головой, мгновенно умчался прочь.

Валькия посмотрела ему вслед и, повернув голову, встретила взглядом со своим отцом. Он ответил ей натянутой улыбкой, и она мгновенно почувствовала, что они выиграют эту битву. Не существовало ничего, что могло бы помешать такому великому человеку, как её отец, справиться с отребьем, подобным этим захватчикам.

В том, что это так и было, она удостоверилась спустя час или около того. Как только свалка начала распадаться, ибо противник был вынужден распылить свои силы, чтобы ответить на новые угрозы с флангов, уже и так довольно сильно прореженная боевая линия племени-противника Чёрных Волков полностью рассыпалась. После этого воинам Чёрных Волков не составило особенного труда начать вырезать их толпами. Линии щитоносцев, частью которой была Валькия, приказали рассыпаться и принять, по мере сил, участие в резне.

Некоторые обратились в бегство, но были прирезаны, даже не успев добежать до перелеска, через который они пришли на битву, однако большинство были убиты и оставлены лежать там, где клинки Чёрных Волков забрали их жизни. Никто не говорил Валькии, что она не должна принимать участие в этой бойне, так что дочь вождя подхватила кинжал одного из павших и бросилась в то, во что превратилась схватка. Её клинок прирезал нескольких врагов, и последним, что они увидели в своей жизни, был черноволосый дьявольский ребёнок, стремительно удаляющийся от них. По её следам шла смерть. Смерть неминуемая, приносимая быстро и без малейшей пощады, как истинным воином Чёрных Волков. Деяния Валькии не остались незамеченными. На крайнем правом фланге отец наблюдал за

своей дочерью и ощутил великую гордость за её действия. Он проворно рванул за ней и вскоре они уже сражались бок о бок. Он стремительно перемещался от врага к врагу, и широкая улыбка его топора отсекала головы и конечности со смертоносной точностью.

Постепенно, почти незаметно, шум стал стихать, когда сотни сократились до горстки. Некоторые из них сдались, и впоследствии предстояло определить их пригодность в качестве вспомогательных воинов. Племя не держало рабов, но если пленник вступал в их ряды и мог принести пользу, то его принимали без малейших угрызений совести. Выжившие женщины врагов станут матерями новых Чёрных Волков. Валькия знала об этом и, хоть ещё и была отчасти в неведении обо всех тяготах племенного существования, частенько задумывалась, не была ли смерть предпочтительнее подобной судьбы. Чёрные Волки отправятся в лагерь поверженного врага и заберут себе всех женщин детородного возраста и детей. Таким образом, племя расширялось.

- Всё кончено, Валькия, - перед ней стоял отец и протягивал руку, чтобы забрать у неё нож. - Осталось сделать только одну вещь. Пойдём со мной.

С явной неохотой девочка передала кинжал и взяла за руку большого воина. Он повёл её через павших, мимо мёртвых и умирающих.

К Валькии медленно приходило осознание настоящего. Среди трупов врагов лежали тела и людей её народа. Она с тревогой огляделась в поисках Каты, но ту нигде не было видно. Валькия неожиданно осознала, что надеется, что её новая подруга осталась жива.

Меррок привёл Валькию к группе людей, которые образовали нечто вроде круга вокруг одного человека. Столь же крупный, как и Меррок, с телом, бугрившимся от крепких мышц, этот человек был лидером врагов. Валькия знала это даже раньше, чем Меррок рассказал ей. Лёжа на боку, в искромсанных доспехах, весь покрытый кровью, он смотрел, как они подходят. На его груди было клеймо в виде грубо стилизованного черепа. То был странный символ, и он, казалось, корчился и изменялся, даже когда она смотрела на него. Валькия отвела взгляд, ощутив, что её глаза начинали болеть, если она слишком долго пыталась смотреть на символ. Глубокая рана в бедре перекачивала густую артериальную кровь в землю под человеком. Было более чем очевидно, что он не надеялся выжить.

Несколько тяжёлых слогов, обращённых к Мерроку, со скрежетом сорвались с его губ, но Валькия не смогла понять его. Слова, которые он произнёс, принадлежали языку, который она никогда не слышала, и Валькия перевела взгляд с умирающего на своего отца. Меррок держался ещё более горделиво, чем обычно, и даже не шелохнулся, когда пленник отодрал от земли голову и выхаркнул кровавую мокроту в сторону атамана.

- Варвар худшего из их рода, моя дочь, - сказал Меррок и повернулся к Аммону, протягивая руку. Говорящий-с-войной вложил ему в руку покрытое искусной резьбой копьё, которое Меррок задумчиво направил на лежащего на земле воина. - Нет, - сказал он в конце концов. - Нет. Это убийство принадлежит тебе, Валькия. Это твой удар по ноге свалил его на землю, поэтому честь прикончить его тоже принадлежит тебе.

Без лишних слов он протянул ей копьё. Оно было больше, чем она, и держать его было неловко. Она ощутила, как тяжесть ожиданий легла на её плечи, и осознала, не зная как, что её действия в ближайшие несколько минут каким-то образом определяют само её будущее.

Враг, лежавший у её ног, медленно перевёл взгляд с Меррока на ребёнка, и ненависть и боль в его глазах постепенно сменились насмешкой. Для Валькии это стало всем, что было нужно. Как смеет это

существо относиться к дочери вождя Чёрных Волков без подобающего уважения? Как он смел смотреть на неё так, словно она была ничем для него?

Как он *смел*?

Когда копьё вошло в его грудь и пронзило сердце, Валькия посмаковала это ощущение. Струя крови с силой выплеснулась из его глотки, окатив маленькую девочку. Но она даже не шелохнулась. Вместо этого она всем своим весом надавила на копьё, погружая его всё глубже в тело врага. Злобно повернув древко, она расширила рану и ослабила давление лишь тогда, когда почувствовала, как наконечник вышел из тела и воткнулся в мягкую землю.

Воин несколько раз судорожно дёрнулся и, захлебнувшись последним кровавым глотком, умер. Его остекленевшие глаза уставились в пространство. Валькия вернула ему его жест и плюнула на его труп.

Со своего места Меррок смотрел за ней с едва сдерживаемой гордостью. Неважно, что она не была сыном. Его дочь с лихвой доказала свою храбрость на этом поле боя. Она была воином в душе, и она достигнет величия. В этом он был уверен.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рождённая_кровью_-_Born_of_Blood_\(рассказ\)&oldid=9406](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Рождённая_кровью_-_Born_of_Blood_(рассказ)&oldid=9406)

Эта страница в последний раз была отредактирована 7 декабря 2019 в 12:04.